

Параметры выявления признаков стереотипности / креативности в коммуникативном поведении участников ассоциативного эксперимента

Parameters for Detecting Features of Stereotypicity / Creativity in Communicative Behaviour of People Participating in Association Experiments

DOI: 10.12737/article_58fda9e1aa8910.86710095

Получено: 18 января 2017 г. / Одобрено: 22 января 2017 г. / Опубликовано: 17 мая 2017 г.

И.Н. Щекотихина

Канд. филол. наук, доцент,
Орловский государственный университет
им. И.С. Тургенева,
Россия, 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95,
e-mail: schek@orel.ru

I.N. Schekotikhina

Ph.D. in Philology, Associate Professor,
Orel State University named after I.S. Turgenev,
95, Komsomolskaya str., Orel, 302026, Russia,
e-mail: schek@orel.ru

Аннотация

Статья продолжает серию публикаций по итогам исследования речевой стереотипности и креативности. В качестве одного из источников эмпирических данных автор использует материал ассоциативного эксперимента, который предоставляет в распоряжение исследователя богатую информацию о лингвокогнитивной деятельности человека и ее продуктах. Вместе с тем обработка экспериментальных данных выявляет в анкетах испытуемых ответы, выходящие за рамки инструкции. Такие ответы являются свидетельством коммуникативной активности испытуемых. Поскольку коммуникативный аспект, наряду с когнитивным, является компонентом речевой деятельности человека, автор проводит анализ данных ответов с целью обнаружения в коммуникативных действиях испытуемых признаков стереотипности и креативности (творчества). Для проведения подобного анализа автором был разработан ряд параметров. Данные параметры и основания для их разработки являются предметом рассмотрения в публикуемой статье. В ней также изложены результаты анализа материала по указанным параметрам.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, коммуникация, линии (стратегии) поведения, стереотипность, креативность, творчество.

Abstract

The article continues the series of publications based on the research of speech stereotypicity and creativity. As a source of empiric data the author uses material of association experiment which proves to be highly informative about human's linguo-cognitive activity and its products. However, analysis of the respondents' answers reveals facts of their deviation from the experimental instruction. Such facts in certain cases serve as indication of the respondents' communicative initiative. Considering that the communicative aspect, along with the cognitive one, constitutes human's speech activity, the author includes these facts into the data analysis aiming at detecting features of stereotypicity and creativity in the communicative actions of the respondents. To achieve this aim the author suggests a number of parameters. The article brings these parameters to light as well as the scientific grounds for their elaboration and the results of their application in the data analysis.

Keywords: association experiment, communication, lines (strategies) of behaviour, stereotypicity, creativity.

Ассоциативный эксперимент (АЭ) как метод изучения психической и социальной природы личности широко применяется и в лингвистических исследованиях. Материал АЭ представляет собой актуальный для современного состояния срез исследуемого объекта и отвечает требованиям антропоцентрического подхода к исследованию языковых феноменов. Получаемые таким методом данные — вербальные ассоциации — являются источником разнообразной социо- и психолингвистической информации. Многочисленные исследования, опирающиеся на данные АЭ, показали действенность ассоциативных методик в вопросах изучения национально-культурной специфики языкового сознания, индивидуального лексикона человека, семантики слова, стратегий его идентификации, процессов понимания и воспроизведения текста и пр.

Мы обращаемся к АЭ с целью исследования речевой стереотипности и креативности. Мы используем данный метод как один из способов активизации речемыслительной деятельности и актуализации ее продуктов. Этот метод удобен тем, что он обеспечи-

вает сбор достаточного количества эмпирических данных в относительно короткие сроки в контролируемых условиях при возможности варьирования экспериментальных факторов и сравнения собранных данных по предварительно обозначенным параметрам. Существование разных видов АЭ и методик их проведения позволяет создавать различные режимы управления переменными, т.е. некоторыми компонентами и характеристиками исследуемой активности (в частности, степенью ее свободы и направлением мысли) и рядом факторов, влияющих на характер ее протекания.

В то же время мы вслед за Л.В. Сахарным полагаем, что «...принципиальные особенности речевой деятельности, выявляемые в эксперименте, характерны для нее и в других, не экспериментальных ситуациях» [12, с. 89]. По сути, характер экспериментальной задачи в ситуации АЭ не является исключительно «лабораторным». Как отмечают исследователи, «ассоциативные связи, возникающие в языковом сознании носителя языка, проявляют себя в каждодневной речевой деятельности» [3, с. 36].

Более того, нам думается, что использование АЭ для выявления речевой стереотипности и креативности оправдано тем, что в основе и одного, и другого феномена лежит ассоциативный механизм, разные режимы работы которого ведут к порождению разного продукта (см. подробнее [16]).

Как правило, данные, собранные в ходе АЭ, анализируются и интерпретируются в целях изучения лингвокогнитивных действий испытуемых и их продуктов. Однако, как показывают результаты обработки данных, анкеты респондентов могут содержать реакции, которые не имеют прямого отношения к процессу ассоциирования (выполнению экспериментального задания). Такие реакции в ряде исследований именуется «шумом», под которым в общем случае понимают «ответы на анкету, которые получены не по правилам эксперимента, или некорректно рассчитанные статистические показатели для группы участников» [14, с. 150]. Нередко подобные реакции (и целые анкеты) выбраковываются как несоответствующие задачам эксперимента. Мы, тем не менее, полагаем, что такие «шумы» могут обладать определенной исследовательской ценностью, а именно, содержать дополнительную информацию об изучаемом объекте.

В числе «шумов» встречаются реакции, представляющие собой «следы» коммуникативного взаимодействия испытуемых с экспериментатором, т.е. напоминающие диалогические реплики. Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что АЭ можно рассматривать не просто как метод получения вербальных ассоциаций, а как акт коммуникации. Эта мысль в той или иной форме звучит в работах Ю.Н. Караулова, В.Е. Гольдина, Н.И. Мироновой и др.

Ю.Н. Караулов, в частности, рассматривает материал анкеты АЭ как квазидialog испытуемых с экспериментатором, где «стимул выступает заместителем реплики (фразы, высказывания, обращения) экспериментатора к испытуемому, а реакция служит заместителем ответа последнего на это обращение к нему» [10, с. 68].

Н.И. Миронова видит сходство ситуации проведения АЭ с ситуацией порождения спонтанной речи в том, что «в обоих случаях полноправным участником коммуникативного акта является конситуация, которая «вплавляется» в речь, поэтому многое не получает вербального выражения, так как легко восстанавливается из контекста» [11, с. 46].

С точки зрения В.Е. Гольдина, АЭ — это своеобразная речевая игра с типичными для речевых игр коммуникативными свойствами, в которой, однако, испытуемый опирается на усвоенный коммуникативный опыт, свои привычки, установки, воспроиз-

водит обычные стратегии ведения диалогов, т.е. действует в игре «как бывает в жизни» [1; 2].

Такое понимание АЭ видится нам вполне перспективным, так как позволяет «погрузить» процесс ассоциирования в коммуникативный контекст, в ситуацию общения. Это, на наш взгляд, повышает речевой статус анализируемого материала, дополняя его аспектом коммуникативного взаимодействия, что, в свою очередь, дает возможность устанавливать большее число параметров для анализа.

Трактуя АЭ в терминах диалога между испытуемыми и экспериментатором, мы исходим из понимания АЭ как специфического типа общения, который, несмотря на свою «экзотичность», реализует базовые характеристики любого вербального коммуникативного акта (ВКА): распределение коммуникативных ролей, наличие акта совместной практической деятельности, фонового контекста, системы практических и коммуникативных целей, речевых процессов, речевых произведений и т.д. [5; 6]. Подробно наша трактовка АЭ в терминах ВКА изложена в [17].

В результате анализа материала, полученного как в ходе собственных экспериментов, так и представленного в работах других исследователей, нам видится возможным классифицировать коммуникативные действия испытуемых в ситуации АЭ по следующим группам: 1) отношение испытуемых к своему участию в эксперименте и поставленной экспериментатором задаче; 2) восприятие и идентификация стимула; 3) установление и отбор ассоциативных связей; 4) вербализация ассоциативных реакций.

Объектом внимания данной публикации является первая группа действий, т.е. поведение испытуемых по отношению к своей роли в предлагаемых обстоятельствах коммуникативного взаимодействия. Свою задачу мы видим в выявлении параметров рассматриваемого объекта, релевантных для обнаружения в нем признаков стереотипности и креативности (творчества). Для этого считаем необходимым эксплицировать основные характеристики модели поведения испытуемых в ситуации АЭ как акте коммуникативного взаимодействия.

В соответствии с распределением ролей функция испытуемых заключается в выполнении экспериментального задания (по инструкции). Формат поведения в рамках данной роли не является строго регламентированным: правила не прописаны в инструкции. Вместе с тем, как было отмечено выше, испытуемые отождествляют ситуацию АЭ с каким-то классом реальных жизненных ситуаций и выстраивают свое поведение в соответствии с накопленным опытом.

Поскольку в нашем АЭ в качестве испытуемых выступали студенты, а экспериментатором являлся один из преподавателей, то это в известной степени

предопределяло формат их поведения. Данный формат характеризуется некоторым статусно-ролевым неравенством, так как экспериментатор задает «правила игры», а испытуемые должны им соответствовать, способствуя успешной интеракции (соблюдая нормы этикета и принципы общения, по Г.П. Грайсу [7] и Дж. Личу [19]). Стиль общения в данной ситуации (как и в учебной) тяготеет к полюсу официальности, что предъявляет определенные требования к степени дистанции (дистанция делового общения) и тональности диалога (нейтрально-обходная, по Е.Ф. Тарасову [13], информативная, по В.И. Карасику [9], предполагающая серьезное, уважительное отношение). Вместе с тем, несмотря на статусные различия, ситуация эксперимента предоставляет испытуемым право выбора: вступить во взаимодействие или отказаться от него (см. подробнее [4]). Однако, как показывают экспериментальные данные, поведение испытуемых отличается большим разнообразием.

Таким образом, в систему параметров для оценки коммуникативного поведения испытуемых как стереотипного или креативного мы включаем:

- согласие / несогласие выполнять свою роль;
- соответствие / несоответствие характера действий инструкции АЭ;
- соблюдение / несоблюдение принципов общения и норм этикета, соответствующих стилю (тональности) общения в заданных условиях.

Данные параметры, отражают, на наш взгляд, основные аспекты модели поведения испытуемых, реализуемые в конкретных стратегиях, в которых прослеживаются определенные линии (типы) поведения. Рассмотрим их на материале проведенного нами АЭ.

Процедуры эксперимента предполагали свободное и направленное реагирование на стимул, в качестве которого была использована номинация «студенческая жизнь». В числе задач направленного АЭ стояла активизация реакций в соответствии с определенной коммуникативной установкой, а именно фиксация материала для написания разного рода текстов на тему студенческой жизни (юмористического эссе, агитационной речи, сказки, рассказа другу).

Материал АЭ показывает, что испытуемые могут интерпретировать свою задачу как серьезное и важное задание, игру, раздражающий фактор, бессмысленную трату времени и т.п. Характер интерпретации обуславливает ответную линию поведения: а) сотрудничество (кооперация); б) отказ от выполнения задания; в) неявное нарушение принципа кооперации.

В проведенном нами эксперименте в общей сложности приняло участие 367 человек. Подавляющее большинство испытуемых повели себя кооперативно.

При разъяснении сути задачи и получении согласия на участие в эксперименте отказов не прозвучало. Однако при сборе анкет было обнаружено несколько незаполненных бланков. Их количество незначительно, колеблется от 1 до 12 в зависимости от вида задания.

Отказ от взаимодействия может быть выражен и в более резкой форме: «*Лучше бы за преподавателями смотрели, чем эксперименты проводить*».

Случаи неявного нарушения принципа кооперации можно наблюдать в следующих реакциях: «*Использую нормальный русский язык без ненормативной лексики*» (материал для рассказа другу о своей студенческой жизни), «*Студент — не смешно, это грустно*» (материал для юмористического эссе).

Помимо данных стратегий были обнаружены и другие варианты поведения. Например, испытуемый, выполняя задание, обращается (в письменной форме) к экспериментатору с уточняющим вопросом: «*А можно Асадова процитировать?*» и приводит строку из стихотворения данного поэта.

В нескольких анкетах можно проследить еще одну линию поведения: испытуемый выполняет задание, а в конце вступает в диалог с организатором эксперимента. В одних случаях он оповещает его об окончании ассоциативного процесса: «*Все*», в других поясняет причины остановки: «*Устал, все*», «*Больше не знаю!*» Некоторые испытуемые комментируют свои действия. Например, один респондент, написавший мало материала для юмористического эссе пишет, как бы оправдываясь: «*И вообще я человек очень серьезный*». Другой, исчерпав свой ассоциативный арсенал, отсылает экспериментатора к источнику дополнительной информации: «*Полную версию ищите на столах нашего ВУЗа*». Третий признается в своей привычке все списывать: «*Даже эту работу я хотел списать. Паранойя!*»

Встречаются также финальные реплики, не имеющие отношения к выполнению заданий и эксперименту в целом: «*Сниму квартиру: 9051631301. Продам носки, куплю КАМАЗ!*», «*Дибилы вы! Лучше бы учили чему-нибудь, потом знания требуется*» (сохранена авторская орфография и грамматика).

Приведенные примеры представляют собой случаи разрушения заложенной в анкете модели квазидialogа с экспериментатором (по Ю.Н. Караулову [10]), что можно квалифицировать как проявление нестандартного для данных условий поведения. Но вопрос состоит в том, можно ли считать указанные линии поведения оригинальными, являющимися выражением креативности (творческой активности) испытуемых.

Заметим, что творческая оригинальность сопряжена с выходом за пределы заданного, с преодоле-

нием границ, установленных некими нормами и правилами, с отклонением от шаблонов и стандартов, при котором создается эффект неожиданности, оригинальности [8]. Однако, как отмечает М.А. Холодная, за нестандартностью в ответах испытуемых «могут стоять совершенно разные психологические явления: собственно оригинальность как проявление творчески-продуктивных возможностей испытуемого и оригинальничанье как проявление личностной гиперкомпенсации интеллектуальной несостоятельности либо психическая неадекватность» [15, с. 142].

Чтобы понять, что стоит за приведенными выше реакциями, мы должны оценить степень отклонения действий испытуемых от некоего стандарта (шаблона), а также характер их адекватности. По словам исследователей творчества, новая идея должна быть осмыслена в ее связях и функциях по отношению к другим элементам семантического пространства знаний, существующих в данной культуре, т.е. она не должна нарушать правил смыслового и эстетического соответствия сближаемых понятий и образов [8].

Оценивая степень отклонения действий испытуемых от стандарта, следует отметить, что модель общения в АЭ не имеет строгого шаблона. «Стандарт» поведения здесь формируется системой ожиданий относительно норм исполнения испытуемыми своей роли. В эту систему ожиданий входит корректное и добросовестное выполнение задания, серьезная, вежливая и уважительная тональность общения, сохранение статусной дистанции. Однако, как известно, данные ожидания не всегда оправдываются в коммуникации вообще, что наблюдается и в ситуации экспериментального взаимодействия. Это может быть обусловлено как внешними факторами, так и личностными качествами испытуемых: нацеленность на коммуникативное равноправие (неформальное общение) или, наоборот, доминирование, разрушение планов экспериментатора; желание не быть, «как все»; склонность к игровой коммуникации и т.д. Более того, отсутствие четких запретов и анонимность участия в АЭ позволяют испытуемым действовать относительно свободно. Рассмотрим приведенные примеры подробнее.

Стратегия невыполнения задания, несмотря на то, что нарушает принцип кооперации и отклоняется от стандартной линии поведения, тем не менее, не отличается оригинальностью. Это один из типичных вариантов поведения в ситуации, когда человек не желает осуществлять какую-либо деятельность.

Фраза «*Лучше бы за преподавателями смотрели, чем эксперименты проводить*» — это явный коммуникативный «выпад». Цель такого выпада, по всей видимости, состоит в желании «уйти от темы» и (или) выйти из ситуации, которая, возможно, оценивает-

ся участником как дискомфортная или бессмысленная. Однако помимо нарушения принципа кооперации и постулата / максимы релевантности (по Г.П. Грайсу [7]), здесь очевидно несоблюдение принципа вежливости (по Дж. Личу [18]). Форма реализации стратегии довольно агрессивная. В ней присутствует негативная оценочность, директивная тональность. Тем не менее в практике речевого общения такая манера прекращения коммуникативного взаимодействия является довольно распространенной и по своей форме (модели) даже стереотипной (*лучше бы вы (ты)..., чем...*). Эта модель используется для выражения негативной оценки (осуждения) действий партнера по коммуникации. Несмотря на то что ситуация АЭ является для испытуемого новой, он реализует в ней, как нам думается, характерный для него стиль поведения, избирая вполне типичную модель реагирования, наполняя ее «злободневным» содержанием.

Похожая линия поведения (и форма реагирования) продемонстрирована в примере «*Дибилы вы! Лучшие бы учили чему-нибудь, потом знания требуют*» с той лишь разницей, что данный респондент все-таки попытался выполнить задание, а его агрессия и критика направлены не столько на сам факт проведения эксперимента, сколько в адрес преподавателей в целом.

Как нам думается, оба примера иллюстрируют довольно узнаваемую манеру общения, воспроизводящую весьма шаблонные приемы ее реализации.

Фразой «*Студент — не смешно, это грустно*» испытуемый говорит о том, что он не видит в указанной теме предмета для юмора, поэтому не считает возможным выполнить задание. Неявное нарушение принципа кооперации здесь проявляется в нарушении постулата количества / полноты информации (по Г.П. Грайсу [7]). Такая манера поведения не редкость в ситуациях, когда мнение человека о предмете речи расходится с «навязываемым» ему отношением. Сама мысль также не нова. Данную реакцию можно рассматривать как нетипичный способ выполнения задания, который, тем не менее, не характеризуется принципиальной новизной.

Реплику «*Использую нормальный русский язык без ненормативной лексики*» можно трактовать двояко. С одной стороны, испытуемый мог избрать такую стратегию в связи с тем, что не знал, какие из средств «нормального русского языка» записать, так как их много (так же, как и тем для разговора) и вне конкретной ситуации их использовать сложно. Поэтому он представил «искомый» материал в обобщенной форме. С другой стороны, здесь можно усмотреть легкую иронию, интеллигентную издевку по поводу неестественности (или бессмысленности) предло-

женного вида деятельности, что может быть свидетельством неординарной и критичной оценки ситуации, что, в свою очередь, может быть показателем творческого мышления. Испытуемый вроде бы выполняет задание, но показывает, что нет смысла расписывать в подробностях всю эту банальность. Сама форма высказывания вполне узуальная («нормальный русский язык»). Вне данной ситуации это высказывание звучит вполне тривиально. В контексте «диалога» с экспериментатором оно создает эффект обманутого ожидания (нарушен постулат количества / полноты информации), но, в отличие от других примеров нарушения принципов общения и проявления «коммуникативной дерзости», характеризуется большей самостоятельностью и продуктивностью мышления.

Уточняющие вопросы в письменной форме («А можно Асадова процитировать?»), а также комментарий испытуемыми своих действий («Все», «Устал, все», «Больше не знаю!», «И вообще я человек серьезный»), как и прочие проявления диалогичности, не предполагаются форматом АЭ. Здесь можно констатировать нарушение постулата релевантности, так как данные реакции не отражают содержания поставленной перед испытуемыми задачи. Однако инструкция не ограничивала испытуемых в их свободе общения с экспериментатором. Нередко в ходе выполнения заданий испытуемые уточняют некоторые моменты и поясняют свои поступки в устной форме, т.е. ведут себя интерактивно и даже не вполне формально, что характерно для раскованного молодежного стиля общения. Иначе говоря, мы опять-таки имеем дело с неким отходом от «канонического» поведения, который, тем не менее, не является выходом за рамки допустимых норм общения.

Попытка шутить при выполнении задания может быть в ряде случаев расценена как проявление продуктивной творческой активности. Например, высказывание «Полную версию ищите на столах нашего ВУЗа» обыгрывает популярную речевую модель «Полную версию X ищите / смотрите / читайте на сайте / в кинотеатрах / в магазинах и т.п.». Игровой эффект создается за счет отсылки к нетипичному источнику информации и реализации пресуппозиции: все разнообразие студенческого юмора находит выражение в надписях на столах. Оригинальность данной реакции заключается не столько в отходе от ожидаемой манеры реагирования, сколько в ее форме и семантике.

Высказывание «Даже эту работу я хотел списать. Паранойя!» само по себе (вне данного контекста) не создает юмористического эффекта. Его комизм определяется его референциальной спецификой: возни-

кает при соотнесении его содержания с текущей ситуацией и основывается на абсурдности действий испытуемого — несоответствии привычки обстоятельствам ее актуализации.

Прагматическая направленность фраз «Сниму квартиру: 9051631301. Продам носки, куплю КАМАЗ!» не вполне очевидна. Здесь можно усмотреть и стремление пошутить, выделиться, и заигрывание с экспериментатором. Что бы это ни было, указанные «объявления» демонстрируют, на наш взгляд, пример очередного оригинальничания, за которым стоит некая бравада, игровое настроение. Несмотря на то, что испытуемый вышел за рамки «жанра» в другую область коммуникации, отсутствие оригинальности нам видится в коммуникативной и когнитивной нелепости результата такого выхода: он не вписывается ни в контекст ситуации, ни в смысловое пространство ассоциативных реакций данной анкеты. Сам способ создания комического также не отличается своеобразием. Полагаем, что здесь имеет место копирование известных респонденту студенческих «приколов», что, несомненно, выглядит неожиданно в заданных обстоятельствах, но не отличается смысловой адекватностью и какой-либо прагматической значимостью.

В целом большинство приведенных примеров демонстрирует незначительные отхождения от ожидаемого «стандарта» поведения. Можно сказать, что они входят в область допустимых вариантов возможного «развития событий». Если рассматривать соотношение «стереотипное — творческое» как шкалу (континуум) различных градаций степени каждого качества, то анализируемые линии поведения (за некоторым исключением), выходя за рамки ролевого «эталона», в большинстве характеристик отражают результаты репродуктивной активности (активности в пределах типичных сценариев общения).

В заключение хотелось бы заметить, что, рассмотрев возможность использования разработанных нами параметров для выявления признаков стереотипности / креативности в поведении испытуемых в АЭ, мы полагаем, что сфера их применения не ограничивается ситуацией экспериментального взаимодействия. Данные параметры могут служить опорой для выявления «маркеров» стереотипного и творческого в любых актах коммуникации. Их учет при интерпретации речевой деятельности человека в терминах стереотипности и креативности в целом делает картину исследуемого объекта более полной и придает исследованию характер комплексного, полиаспектного и многопараметрического анализа.

Литература

1. Гольдин В.Е. Ассоциативный эксперимент как речевая игра [Текст] / В.Е. Гольдин // Жизнь языка: сб. ст. к 80-летию Михаила Викторовича Панова. — М., 2001. — С. 226–233.
2. Гольдин В.Е. Ассоциативные тактики и стратегии реагирования [Текст] / В.Е. Гольдин // Модернизация начального образования. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. — С. 102–107.
3. Горелов И.Н. Основы психолингвистики [Текст] / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. — М.: Лабиринт, 1997. — 224 с.
4. Городецкая Л.А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях [Текст] / Л.А. Городецкая // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. — Вып. 1. — Ростов н/Д: Изд-во ИУБиП, 2002. — С. 28–37.
5. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения [Текст] / Б.Ю. Городецкий // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 24. Компьютерная лингвистика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 5–29.
6. Городецкий Б.Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов [Текст] / Б.Ю. Городецкий // Труды международного семинара «Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf>
7. Грайс Г.П. Логика и речевое общение [Текст] / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 217–237.
8. Дружинин В.Н. Психология общих способностей [Текст] / В.Н. Дружинин. — СПб.: Питер, 1999. — 368 с.
9. Карасик В.И. Языковые ключи [Текст] / В.И. Карасик. — М.: Гнозис, 2009. — 406 с.
10. Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителей языка в ситуации лингвистического эксперимента [Текст] / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М.: Изд-во ИЯ РАН, 1996. — С. 67–96.
11. Миронова Н.И. Отражение характеристик адресанта в коммуникативной организации смысла высказывания (опыт применения ассоциативной экспериментальной методологии) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.И. Миронова. — М., 2009. — 50 с.
12. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику [Текст]: курс лекций / Л.В. Сахарный. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. — 184 с.
13. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Основы теории речевой деятельности. — М.: Наука, 1974. — С. 255–274.
14. Филиппович А.Ю. Автоматизированная система научных исследований ассоциативных экспериментов (АСНИ АЭ) [Текст] / А.Ю. Филиппович // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 6. — С. 143–153.
15. Холодная М.А. Психология интеллекта [Текст] / М.А. Холодная. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
16. Щекотихина И.Н. Речевая организация как основа стереотипности и творчества [Текст] / И.Н. Щекотихина // Горизонты психолингвистики: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессора, заслуженного деятеля науки РФ А.А. Залевской. — Тверь: Тверской гос. ун-т, 2009. — С. 313–318.
17. Щекотихина И.Н. Ассоциативный эксперимент как коммуникативный акт (анализ специфики) [Текст] / И.Н. Щекотихина // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. — Вып. 15. Международный сборник научных трудов. — М.; Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2013. — С. 49–57.
18. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, NY: Longman, 1983. 250 p.

References

1. Gol'din V.E. Assotsiativnyy eksperiment kak rechevaya igra [Association experiment as a speech game]. *Zhizn' yazyka: Sb. st. k 80-letiyu Mikhaila Viktorovicha Panova*. [Life of language: collected research papers for the 80th anniversary of Mikhail Viktorovich Panov]. Moscow, 2001, pp. 226–233. (in Russian)
2. Gol'din V.E. Assotsiativnye taktiki i strategii reagirovaniya [Association tactics and strategies of reacting]. *Modernizatsiya nachal'nogo obrazovaniya* [Modernization of primary education]. Saratov, Saratovskii Universitet Publ., 2003, pp. 102–107. (in Russian)
3. Gorelov I.N., Sedov K.F. *Osnovy psikholingvistiki* [Foundations of psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 1997. 224 p.
4. Gorodetskaya L.A. Assotsiativnyy eksperiment v kommunikativnykh issledovaniyakh [Association experiment in communication research]. *Teoriya kommunikatsii i prikladnaya kommunikatsiya. Vestnik Rossiyskoy kommunikativnoy assotsiatsii* [Theory of communication and applied communication. Bulletin of Russian Communication Association]. Rostov on Don, 2002, i. 1, pp. 28–37. (in Russian)
5. Gorodetskiy B.Yu. Komp'yuternaya lingvistika: modelirovaniye yazykovogo obshcheniya [Computational linguistics: modeling language communication]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [News of the foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1989, i. 24, pp. 5–29. (in Russian)
6. Gorodetskiy B.Yu. Modelirovaniye verbal'nogo obshcheniya i tipologiya kommunikativnykh aktov [Modeling of verbal communication and typology of communicative acts]. *Trudy mezhdunarodnogo seminar Dialog 2003 po kompyuternoy lingvistike i intellektualnym tekhnologiyam* [Proceedings of international seminar Dialogue 2003 on computational linguistics and intelligent technologies]. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf> (accessed 15 January 2016).
7. Grice H.P. Logika i rechevye obshchenie [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [News of the foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1985, i. 16, pp. 217–237. (in Russian)
8. Druzhinin V.N. *Psikhologiya obshchikh sposobnostey* [Psychology of general abilities]. St. Petersburg, Peter Publ., 1999. 368 p.
9. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnosis Publ., 2009. 406 p.
10. Karaulov Yu.N. Tipy kommunikativnogo povedeniya nositeley yazyka v situatsii lingvisticheskogo eksperimenta [Types of communicative behaviour of language speakers in the situation of linguistic experiment]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethno-cultural specifics of language consciousness]. Moscow, Inst. of Ling., Rus. Acad. of Sciences Publ., 1996, pp. 67–96. (in Russian)
11. Mironova N.I. *Otrazhenie kharakteristik adresanta v kommunikativnoy organizatsii smysla vyskazyvaniya (opyt primeneniya assotsiativnoy eksperimental'noy metodologii)*. *Doct. Diss.* [Reflection of addresser's features in communicative organization of utterance meaning (practice of applying associative experimental methodology)]. *Doct. Diss.*, Moscow, 2009. 50 p.
12. Sakharnyy L.V. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Leningrad, Leningradskiy Universitet Publ., 1989. 184 p.
13. Tarasov E.F. *Sotsiolingvisticheskie problemy teorii rechevoy kommunikatsii* [Sociolinguistic problems of speech communication theory]. *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* [Foundations of speech activity theory]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 255–274. (in Russian)
14. Filippovich A.Yu. Avtomatizirovannaya sistema nauchnykh issledovaniy assotsiativnykh eksperimentov (ASNI AE) [Automated system of scientific research of association experiments]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2007, i. 6, pp. 143–153. (in Russian)
15. Kholodnaya M.A. *Psikhologiya intellekta* [Psychology of intellect]. St. Petersburg, Peter Publ., 2002. 272 p.

16. Shchekotikhina I.N. Rechevaya organizatsiya kak osnova stereotipnosti i tvorchestva [Internal speech organization as a basis for stereotipicity and creativity]. *Gorizonty psikholingvistiki: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF A.A. Zalevskoy* [Psycholinguistics horizons: Materials of the International scientific and research conference dedicated to the 80th anniversary of Professor, Honoured Scientist of RF A.A. Zalevskaya]. Tver, Tverskoy Gos. Univ. Publ., 2009, pp. 313–318. (in Russian)
17. Shchekotikhina I.N. Assotsiativnyy eksperiment kak kommunikativnyy akt (analiz spetsifiki) [Association experiment as a communicative act (analysis of specifics)]. *Aktual'nye problemy kommunikatsii i kultury. Mezhdunarodnyy sbornik nauchnykh trudov* [Topical problems of communication and culture. International collected research papers]. Moscow-Pyatigorsk, Pyatigorskiy Gos. Univ. Publ., 2013, i. 15, pp. 49–57. (in Russian)
18. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, NY: Longman, 1983. 250 p.